

Глава 3

Ты станешь бессмертным, а я не останусь в мире смертных, чтобы ждать тебя (часть третья)

Чао Цы так долго возился с пирожным, будто никогда в жизни не ел ничего подобного.

Когда он наконец закончил, Цзинь Яо уже успел неторопливо вытереть руки шёлковым платком.

Хотя Чао Цы съел всего один кусочек, вихрь смятенных чувств полностью заглушил голод, и больше он к еде не притрагивался. Он лишь неотрывно смотрел на Цзинь Яо, несколько раз открывая рот, но так и не произнося ни звука.

— Желаете отойти ко сну? — подняв глаза, с лёгкой усмешкой спросил Цзинь Яо.

Он и не думал затевать что-либо с этим юнцом. Хотя драконы были известны своим распутством, Цзинь Яо не любил, когда им управляли инстинкты и плотские желания, поэтому всегда вёл аскетичный образ жизни. Если бы он и впрямь нарушил свой обет, то, боюсь, этот мальчишка просто не выдержал бы.

Он лишь хотел умаслить его, ведь юноша был до смешного податлив.

— Уже поздно, так что... так что давай ляжем, — заикаясь, пробормотал Чао Цы.

Цзинь Яо поднялся и подошёл к кровати, небрежно скинув с себя свадебные одежды и отложив их в сторону.

Нижняя рубашка из белоснежного шёлка плотно облегла его стан, подчёркивая высокое, стройное и безупречно сложенное тело. Чао Цы бросил на него короткий взгляд и снова почувствовал, как горят уши.

Он тоже подошёл к кровати, забрался на неё и опустил полог.

Служанки, дежурившие за дверью, увидев, что господа легли, вошли в комнату и потушили все светильники, оставив гореть лишь одну красную свечу.

Комната погрузилась в полумрак, в котором трепетал едва различимый тёпло-красный огонёк.

Чао Цы повернулся к Цзинь Яо, и ему показалось, что сам воздух наполнился томной негой.

Он подвинулся чуть ближе.

Выражение лица Цзинь Яо оставалось непроницаемым, но в мягком свете свечи оно казалось чуточку теплее. Уголки его губ тронула лёгкая улыбка, когда он, повернувшись, взял в руки прядь чёрных как смоль волос Чао Цы, рассыпавшихся по шёлковым простыням.

Атмосфера мгновенно стала интимной.

Однако Чао Цы, залившись румянцем, оттолкнул его.

— По... подожди, — пробормотал он.

Цзинь Яо удивлённо приподнял бровь.

«Этот маленький развратник так ждал этого момента, так почему же он отступает в последнюю минуту?»

Он уже хотел было что-то сказать, но растерянный юноша снова заговорил:

— А-Яо, твоя рана ещё не зажила. С этим... можно не торопиться.

Цзинь Яо опустил взгляд на своё плечо.

Прошёл уже почти месяц с тех пор, как Чао Цы привёл его в свой дом. Хотя рана была глубокой, сейчас от неё не осталось и следа, а этот юнец всё ещё беспокоится?

— Я боюсь, что своей несдержанностью могу навредить тебе, А-Яо, — пояснил Чао Цы. — Лекарь сказал, что хоть твоё здоровье и пошло на поправку, плотские утехи могут легко спровоцировать простуду или жар...

Выражение лица Цзинь Яо стало неопределимо сложным.

Судя по тону этого мальчишки, он возомнил себя ведущим?

Он ещё раз внимательно оглядел юношу.

Ростом едва до подбородка. Откуда такая самоуверенность?

Впрочем, злиться из-за такой мелочи он не собирался и лишь подыграл ему:

— В таком случае, ты...

— Тогда... тогда А-Яо может... может дать мне... потрогать? — торопливо спросил Чао Цы, словно боясь отказа. Но, едва начав, он тут же смутился.

Потрогать?

Цзинь Яо долго не отвечал.

Хотя он не испытывал влечения уже тысячи лет, будучи драконом с почти бесконечной жизнью, в вопросах плотской любви он разбирался не хуже любого смертного. Драконы были расой, одержимой желаниями, и в пещерах его сородичей оргии были обычным делом, не считавшимся чем-то постыдным.

К тому же Цзинь Яо воевал в Царстве демонов — месте, где кровь и похоть переплетались в самом неприкрытом виде. Когда великие демоны устраивали пиры, повсюду были реки доброго вина, прекрасные девы, дикая необузданность и плотские утехи.

Поэтому слова Чао Цы показались ему весьма интригующими.

— То есть... можно мне потрогать А-Яо?

Цзинь Яо опустил взгляд и тихо усмехнулся.

— Как именно?

Чао Цы не удержался и потёр зудящий кончик уха. Голос А-Яо, казалось, проникал прямо в уши, похищая его душу!

Лишь спустя некоторое время он осознал: А-Яо не отказал!

Его кошачьи глаза тут же заблестели. Робко и нерешительно он протянул руку и потянул за воротник одежды Цзинь Яо.

Распахнувшийся воротник вызвал лёгкую щекотку. Едва ощутимую, но Цзинь Яо почувствовал не только зуд, но и то, как сдавило горло.

Ладони юноши были ослепительно белыми, с длинными пальцами и аккуратно остриженными, закруглёнными ногтями. Прекрасные, но ещё по-юношески нежные руки — казалось, их можно было полностью скрыть в одной ладони.

Наконец рука юноши скользнула под одежду. Коснувшись прохладной, словно нефрит, кожи мужчины, он тут же отёрнул её, будто от удара током.

Цзинь Яо, вопросительно изогнув бровь, посмотрел на него с лёгким недовольством.

Юноша нервно сглотнул и снова протянул руку.

Словно к груди прикоснулись кошачьей лапкой, но ощущения были иными.

Возможно, к ним добавились прохлада и нежность. Пульсация крови в кончиках его пальцев выдавала всё напряжение, что он испытывал в этот момент.

А Чао Цы ощущал лишь ровное биение сердца под своей ладонью и прохладу его кожи.

Цзинь Яо не двигался, позволяя его мягкой руке скользить всё ниже.

Рука Чао Цы остановилась в районе живота, отчётливо ощущая рельефные, гладкие мышцы пресса.

Он беспорядочно поводил по ним ладонью, и его щёки разгорались всё сильнее. Наконец, коснувшись «линии русалки», он вспыхнул, будто его лицо объяло пламя, и, резко отдернув руку, натянул на себя одеяло и спрятался с головой.

Цзинь Яо был удивлён, испытывая при этом некое необъяснимое чувство.

Это его «потрогать»... означало всего лишь потрогать живот?

И впрямь ребёнок.

Ощущение мягкой ладони, блуждавшей по его животу, всё ещё не покидало его. Цзинь Яо прищурился.

Для большинства драконов воздержание было практически невозможным, но для Цзинь Яо оно никогда не представляло особой трудности. Просто потому, что во всех шести мирах — будь то боги, люди, демоны или духи — никто не мог его привлечь.

За все его десятки тысяч лет... впервые кто-то смог пробудить в нём желание.

Похоже, любовное испытание, устроенное ему Небесным Дао, было не совсем бессмысленным.

Цзинь Яо оперся на правую руку, приподнимаясь, и почти свысока посмотрел на кокон из одеяла.

— Ещё будешь трогать? — спросил он низким, хриплым голосом.

Кокон смущённо перекатился на месте.

— Зав... завтра!

Цзинь Яо вытащил его из-под одеяла и, глядя на его ярко-красные щеки и бегающие глаза, усмехнулся:

— Такой стеснительный?

А ведь это было только начало.

ЧАО ЦЫ уткнулся лицом в грудь Цзинь Яо.

— Время... время позднее, А-Яо. Давай спать...

Голос его звучал глухо и мягко, словно он капризничал.

«Ничего не понимает, трусишка, а туда же — пытается строить из себя развратника».

Глаза Цзинь Яо блеснули, и он обнял юношу за талию.

— Спи, — сказал он.

После свадьбы Цзинь Яо переехал из своего прежнего двора в главный, который в семье ЧАО предназначался для главного супруга. Наложницы, которых ЧАО ЦЫ набрал ранее, теперь должны были каждое утро приходиться к Цзинь Яо, чтобы выразить своё почтение.

Когда несколько десятков наложниц впервые пришли с утренним приветствием, ЧАО ЦЫ сидел рядом с Цзинь Яо. Бросив на него взгляд, он заметил, что лицо мужчины было мрачным.

— А-Яо... что-то не так? — осторожно спросил ЧАО ЦЫ, теребя его за рукав. — Они были недостаточно учтивы?

Цзинь Яо бросил на него насмешливый взгляд.

— Почему ты раньше не говорил, что у тебя во дворе столько народу?

— ...А разве об этом нужно говорить? — видя, что выражение лица мужчины становится всё мрачнее, Чао Цы говорил всё тише и тише, пока его голос не стал почти неслышен.

— Можете идти, — обратился Цзинь Яо к толпе женщин.

— Тогда мы, сёстры, откланиваемся, — наложницы одна за другой поклонились и удалились.

Придя сюда, они были полны решимости устроить новому «мужу» достойный приём, но, увидев его, у них подкосились ноги.

Оставим в стороне его неземную красоту. Даже с его бледностью, аура, исходившая от него, была величественной, как горы и моря, могущественной, как божество или демон. Один лишь взгляд на него вызывал трепет и желание подчиниться.

О какой борьбе могла идти речь? Пришлось смириться!

Только вот их господин, выбрав такого главного супруга... не ошибся ли он?

С какой стороны ни посмотри, не похоже было, что он сможет его контролировать.

О мыслях наложниц Чао Цы не знал, да и не было ему до них дела. Сейчас его заботило лишь одно: его А-Яо, кажется, рассердился.

— А-Яо, ты злишься? — спросил он растерянно, глядя на него своими большими чёрными глазами.

— Нет, — Цзинь Яо опустил взгляд, его тон вернулся к обычной холодности.

Злостью это не назовёшь.

— Ты собираешься и дальше их здесь держать? — внезапно спросил он.

— ...? — Чао Цы, казалось, был озадачен ещё больше. — Они чем-то не угодили А-Яо?

— Нет, — ответил Цзинь Яо.

— Раз они ни в чём не провинились, то и прогонять их незачем... — видя, как темнеет взгляд Цзинь Яо, Чао Цы вжал голову в плечи. — Они все такие несчастные...

— Какой ты, оказывается, сердобольный, — Цзинь Яо отвёл взгляд, его тон был нечитаем.

Он почувствовал, что настроение у него и впрямь испортилось.

Этот юнец действительно ничего не понимает.

Даже не догадывается, почему главный супруг может злиться при виде толпы наложниц.

«При первой же встрече он разглагольствовал о любви с первого взгляда и о том, что женится только на мне. Я-то думал, он просто глупец, а он, оказывается, всего лишь ветреный влюбчивый мальчишка».

Цзинь Яо взял чашку, его большой и указательный пальцы задумчиво скользили по краю. Выражение его лица было непроницаемым.

Аура вокруг него стала ещё более отчуждённой.

Чао Цы так и не понял, почему Цзинь Яо внезапно рассердился. Он знал лишь одно: его А-Яо, похоже, не любит его наложниц.

Впрочем, злился А-Яо всего один день, а потом, казалось, остыл.

Вот только с тех пор, когда Чао Цы хотел его потрогать, А-Яо больше не подпускал его к себе.

Неужели всё ещё злится?

Чао Цы был в полном недоумении и побежал за советом к старшему брату.

Его брат, Чао Цзюэ, выслушав несколько бессвязных фраз, тут же понял, почему этот Цзинь Яо строит недовольную мину перед его младшим братом.

«Всего лишь больной слабак неизвестного происхождения. Дали ему немного власти, а он и впрямь возомнил о себе невесть что?»

Чао Цзюэ мысленно усмехнулся, но на лице его не дрогнул ни один мускул. Своему ничего не понимающему брату он невозмутимо сказал, что, возможно, Цзинь Яо просто не любит большие скопления людей.

Такой нелепой отговоркой можно было обмануть разве что дурака, но Чао Цы, который даже не знал, что такое ревность, действительно поверил.

«Раз так, — подумал он, — тогда нужно просто приказать наложницам отменить все последующие утренние приветствия».

<http://bllate.org/book/15361/1372894>